Пиотровский Борис Михаил

20.05.98

Вас люблю

Общая газета. — 1998. — 14–20 мая. — с. 16

В Петербурге есть Нева, Эрмитаж и — Пиотровские

Марина ТОКАРЕВА

ПИОТРОВСКИЕ — старинный род. В разные времена он вбирал в себя людей разных национальностей и религий, но из поколения в поколение они неизменно поклонялись одному Богу — культуре. Имя Пиотровских давно обозначает некую сумму качеств: интеллигентность, образованность, порядочность. Не случайно именно в этой семье возник уникальный для музея масштаба Эрмитажа феномен династии. Нынешний год соединил две даты: девяносто лет со дня рождения Бориса Пиотровского — и пять лет с тех пор, как музей возглавил его сын Михаил.

Звезда Б.Б.

...ЗА ГЛАЗА его называли просто Б.Б. Как знаменитую французскую звезду. Борис Борисович и был настоящей звездой — крупный ученый, тонкий дипломат, блистательный человек, несмотря на многолетнюю принадлежность к советской номенклатуре сумевший сохранить внутреннюю свободу.

Сюжет его судьбы лишь отчасти продиктован эпохой. Пиотровский сам творил собственную биографию. Единственный директор Эрмитажа, который провёл в музее в с ю свою жизнь — от юности до смерти. Когда впервые, четырнадцати лет, попал сюда, уже бредил Египтом. Через семь лет его работа «По поводу древнеегипетского термина «железо» была опубликована академиком Марром в сборнике «Доклады Академии наук». Еще через десять лет научный мир потрясло открытие, эхом которого еще долго жила археология, — на раскопках в Кармир-Блуре, под Ереваном, молодой сотрудник Эрмитажа Пиотровский обнаружил исчезнувшее государство Урарту.

В Ереване Пиотровский совершил еще одно, и не менее важное, открытие — он нашел Рипсимэ. Свою жену, женщину на всю жизнь, он встретил в тридцать шесть лет.

В ереванский дворик, где жила молодая невеста будущего академика, выходили двери шестнадцати квартир. Посреди стоял огромный каменный стол. Вечером, когда жара спадала, у этого стола собирались все обитатели двора. На его поверхность Пиотровский, вернувшись с раскопок, еще не смыв с себя пыль, выкладывал дневные находки и рассказывал, кому они принадлежали, что означают... Дети, старики и взрослые слушали его, забыв обо всем. В жизни семьи Рипсимэ Джанполадян, родственников, соседей, друзей (среди которых были Аветик Исаакян и Мартирос Сарьян) Кармир-Блур участвовал словно реальный живой человек.

На раскопках несколько лет подряд дружно и слаженно работали два отряда археологов — института истории армянского филиала Академии наук и Эрмитажа. В начале лета 41-го года Рипсимэ извлекла из земли скульптуру урартского бога войны. И очень скоро — 22 июня 1941 года — ленинградцам пришлось лететь домой.

Пиотровский собирался уйти на фронт с первыми отрядами добровольцев. Но на третий день войны началась эвакуация Эрмитажа, и Орбели, тогдашний директор музея, потребовал, чтобы в спасении ценностей участвовали все. Когда эшелон с экспонатами ушел на восток, сотрудники Эрмитажа остались в стенах музея, решив разделить с ним участь осажденного города.

...Долгими ночами, во время дежурств они рассказывали друг другу свои будущие книги. Знаменитый труд «Государство Урарту» возник блокадной зимой сорок первого — сорок второго годов... На полях рукописи — ненаучные пометки «очень холодно», «трудно писать»... Сохранились дневники, где Пиотровский записывает, как взрывались снаряды на пляже Заячьего острова. Сохранились письма — «Дорогая моя девочка! Скучаю без тебя безумно. В трудные минуты мне все казалось, что ты рядом...»

Они поженились в январе 44-го и прожили вместе сорок шесть лет.

Почти никто не знает, что смолоду Пиотровский заикался так, что не мог говорить, — и излечил себя сам, а потом и многих других по немецкой методе, основой которой была воля. Потом об этом уже почти невозможно было догадаться — осталась лишь странная манера вставлять «вхт» между словами, и тень застенчивости, усиливавшая его обаяние. Он умел добиваться всего, что считал необходимым. Но хотел одного — творить науку. Когда вокруг боролись за выгодные места, писали доносы, когда мельчали даже самые лучшие, он работал так, как умел, — со страстью.

В 35-м году несколько месяцев провел в тюрьме. Говорить об этом не любил. В особо гнусные времена отстранялся, уходил в глубь тысячелетий, в Урарту, Египет — пятьдесят три археологические экспедиции немало даже для подвижника... Он отличался от многих тем, что имел не цели, а идеалы и мечты.

Рипсимэ Пиотровская с сыновьями. 1947 г.

От должности директора Эрмитажа отбивался в 64-м году два месяца. (Его предшественника, Артамонова, сняли за полусамодеятельную выставку художников андерграунда, среди которых был такелажник музея Михаил Шемякин.) Времена наступали глухие. Рипсимэ Михайловна была до того против («Наука пропала, Эрмитаж всего тебя съест»), что даже заболела. Сдался после того, как очередной партийный бонза, в очередной раз вызвав его в кабинет, сказал с раздражением: «Ну что, перед вами на колени что ли встать?!» Легенда гласит, что Б.Б. стало неудобно и он согласился... Есть еще и другая: когда ленинградский партийный вождь Романов выдавал замуж дочь, то якобы взял у назначенного им директора императорский сервиз на свадьбу. Вранье. Ничего подобного Б.Б. не допустил бы. Он умел быть законопослушным, но никогда не раболепствовал.

Отношения с властью складывались по-разному. С одной стороны, он бесспорно принадлежал к советской элите, с другой — тот же Романов предпочитал разговаривать с ним через телевизор, транслировавший изображение из приемной. В Эрмитаже первый секретарь ленинградского ОК КПСС вообще не бывал. Но хотя Эрмитаж посещали все, кто приезжал в Ленинград — короли, послы, министры, мировые знаменитости, — Б.Б. умел выдерживать баланс между необходимой публичностью и еще более необходимой уединенностью. Черновиков докладов и статей у него не было. Приходил домой, часами раскладывал один из своих любимых пасьянсов, думал, а потом садился и сразу писал набело.

Его знаменитые шутки вспоминают до сих пор. В музей пришел ректор университета, захотел познакомиться с коллективом: «Показывайте ваш цветник!» На что Б.Б., секунды не помедлив, ответил: «Цветник у вас, у меня — гербарий». От расспросов о своих дворянских польско-русских корнях обычно отмахивался, объясняя: предки были такие жадные, что даже герба себе не заказали (герб, впрочем, был, и Михаил его позже обнаружил).

— Каторга, каторга, — любил он приговаривать, не отрываясь от дел. Но жил без суеты, последовательно воплощая две добродетели — нестяжательство и служение. И боги были милостивы к нему. Омрачены и отмечены драмой только его последние дни.

На заре перестройки в Эрмитаже появился совет трудового коллектива, жаждавший «взять под контроль» всю жизнь музея. Рипсимэ Михайловна рассказывает: придя с одного из первых заседаний этого совета, Пиотровский молча сел на стул прямо в прихожей и на ее вопрос: ну как? — лишь махнул рукой. Он отлично помнил 20-е годы, когда к власти пришел «пролетариат» и музей вмиг стал напоминать гадюшник. Но тогда он был молод. Теперь — растерян и устал. А в стены музея вновь вошло время перемен и с ним — законы волчьей стаи, по которым старый вожак обречен...

...Июнь 90-го года выдался жарким и душным. СТК проводил во дворе музея митинг. Приняли резолюцию. В лицо старому директору были брошены беспощадно-жестокие слова. Разрушалось то, что казалось незыблемым — благородство эрмитажных понятий. Уничтожалась неотъемлемая часть личности Пиотровского — его достоинство. Это был конец эпохи. И конец жизни. Через несколько дней он тяжело заболел. Через три месяца умер.

Этот человек — не то что другие

...ТА, КОТОРАЯ стала женой Пиотровского, и сегодня, в неполные восемьдесят, остается очаровательной — непобедимодоброжелательной, остроумной, веселой. И — сильной. Когда-то ради своего избранника она оставила родной город. И в пасмурном Ленинграде, где ей пришлось узнать, что ностальгия — не просто слова, а тяжелая, мучительная болезнь, смогла создать на редкость теплый дом, написать научные книги, воспитать сыновей.

Пять поколений назад Джанполадяны жили в Карабахе, где всегда воюют. Прадеда Рипсимэ прозвали Джанполадом — бессмертным, потому что его не брала пуля. «Может, тогда стреляли плохо?» — смеется Рипсимэ Михайловна. Дед ее арендовал в Нахичевани соляные копи. Младший сын, отец Рипсимэ, управлял ими. В Нахичевани у матери Рипсимэ, светской, красивой женщины, был открытый дом, где собирались армяне и азербайджанцы. персы и русские.

— Однажды после революции, в 18-м году, к моей матери пришел сын персидского хана и говорит: «Уже закрывают дороги, я могу помочь вам добраться до Еревана или Тбилиси». А у мамы двое маленьких детей и она беременна мной. Она говорит: «Никуда не поеду!» Этот человек сказал: «Тогда дайте мне ваши драгоценности (а женщины Джанполадянов были известны своими украшениями. — М.Т.), я их переправлю в Тбилиси, где ваш старший сын, — чтобы он имел хоть что-нибудь...» Мама положила драгоценности в какой-то мешок и отдала. И забыла об этом.

Вскоре родителям Рипсимэ пришлось, бросив все, бежать с детьми из города ночью. Два месяца они шли пешком по горам и долам Армении, почти без хлеба. Наконец добрались до озера Севан, на другом берегу которого их должна была ждать подвода. Взрослые торопились — роды были уже близко — и остановились только на ночлег...

— Родилась я, почти как Христос — по дороге, в хлеву. Моя мать посмотрела вокруг: везде коровы, овцы, грязь. Чисто только там, где пекут хлеб. И я родилась на золе.

До Еревана все же добрались. Отец Рипсимэ стал работать в наркомате земледелия. Жили бедно, хотели лишь одного — дать детям образование...

— Однажды к нам в дом пришел русский офицер... Мама рассказывала: «Входит человек, называет имя того самого ханского сына и достает из кармана сверток. И я вижу, что он даже не развернут». «Мой друг, — говорит офицер, — просил отдать это вам, когда вы вернетесь. А если не вернетесь — вашему сыну, когда ему исполнится шестнадцать лет».

Часть драгоценностей родители продали. А часть мать Рипсимэ сохранила и каждому из своих четверых детей что-то дала: чтобы передавали из рода в род — как символ чести и бескорыстия.

Вся Армения — история в камне, Рипсимэ с детства была влюблена в армянские памятники. После истфака Ереванского университета ее «распределили» в исторический музей. В Кармир-Блуре тогда уже работали две группы археологов — армянская и русская.

— Никакого романа еще не было. Мы просто вместе работали. На раскопках жара, пыль, москиты, но стоит найти крошечный черепок — и нет никого счастливей тебя... У нас в доме всегда было очень много народу — мои друзья, друзья братьев, друзья сестры... Борис нравился всем в семье. Отец сказал мне: «Не думай, что я буду против...» Мама, если готовила что-то вкусное, говорила: «Позови Бориса Борисовича». Даже мой патриархальный брат меня предупредил: «Имей в виду —этот человек не то что другие, это серьезно». «А если он мне не сделает предложение? — говорю, — как ты думаешь — можно я ему сама его сделаю?!»

Потом Орбели вызвал старшего научного сотрудника Бориса Пиотровского и младшего — Рипсимэ Джанполадян в Москву на заседание Академии наук с выставкой археологических находок.

— Я сопровождала вещи. С нами ехал в вагоне один очень крупный ученый. Он меня вызвал в коридор и говорит: «Имей в виду — если ты за Бориса не выйдешь, я тебя вышвырну из поезда». И я решила остаться в живых.

Он защитил докторскую в армянском филиале Академии наук, и мы отпраздновали защиту вместе со свадьбой. Брат достал ящик форели, мама приготовила из нее десяток разных блюд. Сидели при керосиновых лампах: электричество давали разным районам по очереди. Заглянул друг брата, электрик: «Почему в темноте!?» Тут же взял телефон и скомандовал: «Перебросьте ток!» Таких историй в нашей жизни множество было. Однажды Борису надо было лететь в Ленинград, самолет в шесть утра. Что делать — ехать в аэропорт с вечера? Разговор услышал наш сосед, начальник трампарка. «Зачем с вечера? Трамвай вам подам!» И в пять часов утра слышим звон, идет трамвай. Это — Ереван!

В конце 44-го года родился наш первенец — Михаил. Впервые он попал в Эрмитаж, когда ему был год и восемь месяцев. Его привели в отдел оружия — он выбрал огромный военный барабан и стал в него бить...

И еще захват Генштаба

ЧЕРЕЗ ДВА года после смерти Бориса Пиотровского место директора было предложено его старшему сыну, вся карьера которого (еще одна традиция Эрмитажа) связана с Институтом востоковедения. Михаил Пиотровский вышел из тени отцовского имени и открыл — для себя и музея — новую страницу. С его приходом в музее начался иной отсчет времени.

— Нас с братом никто особенно не воспитывал, не занимался нами специально. Когда мы были совсем маленькие, папа сочинял нам множество смешных стихов, рисовал картинки. А потом нам всегда только говорили: пойди и посмотри в энциклопедии! Но отец умел слушать. Мы с ним много спорили, обо всем — от этногенеза до политики. Это приучало к ответственности — ты уже не мог просто так ляпнуть глупость. Сразу получал классический папин совет: возьми энциклопедию (или словарь) и т. д.

Мой брат Левон выбрал несемейную специальность, химию. А я обречен был наследовать отцу. Но надо было найти что-то свое, непохожее. В арабистику, самое элитарное, что есть в востоковедении, меня толкнул гонор. Санскрит, персидский, клинопись, думал я, знают все. А вот если знаешь еще и арабский... Сегодня я абсолютно уверен: это был лучший выбор... Это так непохоже на то, чем мы живем, словно имеешь еще одну жизнь...

Сейчас уже трудно понять, чем было предопределено «династическое» назначение — авторитетом отцовского имени или собственными научными заслугами. Существенно другое: таких, как он, в почтенном корпусе директоров крупнейших музеев Европы и Америки сегодня немного: еще молод, полон свежих идей, отменно образован, владеет девятью языками, считая диалекты арабского и полуродной армянский. Сдержанный «очкарик», посвятивший себя арабистике, превратился за эти годы в музейного лидера мирового класса.

— Я всю жизнь чувствую, что отец оценивает то, что я делаю — притом что я делаю все не так, как он. Но я убежден, что хоть и поступаю по-другому, но поступаю верно. И мне кажется, он на это и рассчитывал.

Фото автора

Михаил Пиотровский. 1998 г.

Пиотровский-младший пришел в Эрмитаж, когда кончились времена относительного советского благополучия и богатейший музей страны оказался унизительно беден. Денег не было ни на что — ни на реконструкцию, ни на развитие, ни тем более на покупку произведений.

В новые времена стало очевидно то, о чем раньше не догадывались: наши великие музеи уникальны только фондами. Во всем остальном их существование — вне норм современной цивилизации.

— Когда я начал, рухнула вся экономика страны. Остановилось все, что раньше катилось само собой. Отец не занимался выбиванием денег, не должен был их бесконечно считать и распределять (на это уходит одна треть моего времени), не думал о том, как музею научиться их зарабатывать... У отца всегда были настежь открыты двери — входи, кто хочешь. Я так не могу. У меня все расписано по 15 минут, и если совещание длится больше часа, я зверею.

...Есть люди, считающие Михаила Пиотровского надменным. Открытый для всего мира, в частной жизни он закрыт и даже замкнут. Так же, как некогда отец, свои переживания предпочитает оставлять при себе. Но есть и такие, что понимают: этот человек с неизменным артистическим шарфом поверх строгого пиджака не просто работает — музей вошел в ткань его существования, определив его стиль. А главную опору для внутренней жизни и внешних побед он по-прежнему ищет в науке.

— На науку время находить трудно, но иначе нечего тут находиться — это главный отцовский завет. Я должен чувствовать право быть директором Эрмитажа. И это право надо каждый год подтверждать.

Одни люди в музее не могут ему простить бурных перемен и полагают, что Эрмитаж должен существовать вне времени. Другие — и их гораздо больше — уверены: в Эрмитаже появились небывалые прежде возможности для творчества.

— Когда меня спрашивают, что тут изменилось со времен отца, я говорю: ничего. Моя главная забота, чтобы изменения были совершенно незаметны. Только раньше Эрмитаж был агрессивно закрытым музеем, теперь стал агрессивно открытым. Мы публикуем все наши финансовые отчеты, и благодаря этой прозрачности стали неинтересны тем, кто убежден: музей разворовывают, а на его стенах висят копии. Мы ничего не скрываем, ничего не стыдимся — спокойно говорим обо всех грехах нашей истории, о продажах 30-х годов. Кстати, первым стал это делать отец...

Эрмитаж всегда обладал энергией и жизнеспособностью. Здесь делались свободолюбивые выставки, сюда брали на работу людей с «неправильными» фамилиями, вели переписку со всем миром и невзирая на все запреты участвовали в мировой выставочной практике. Когда уже ничего другого не оставалось, отряжались археологические экспедиции, спасавшие честь музея и науки в самые тяжелые времена. Всем известен фанатичный патриотизм эрмитажников, зачастую переходящий в снобизм. Впрочем, особый эрмитажный снобизм здесь даже поощряется. При одном условии — ты должен соответствовать рангу музея, хоть в чем-то являться неповторимым.

Быть директором такого музея — нервное дело. Борис Пиотровский мог выругаться последними словами у себя на кухне, но на людях, как правило, вел себя как невозмутимый олимпиец. Михаила Пиотровского порой подводит взрывной восточный темперамент. Впрочем, повысив голос на секретаршу, он может уйти к себе и хлопнуть высоченными дворцовыми дверями, а через некоторое время выйти со словами: «Вы все еще сердитесь? Не дуйтесь: кричал и кричать буду, я ж все-таки человек...»

Михаил Пиотровский больше не ездит в археологические экспедиции. Зато с шумным успехом объехали мир крупнейшие эрмитажные выставки-проекты «Петр Великий» и «Екатерина Великая». Почти в каждом каталоге, издаваемом Эрмитажем, есть статья за подписью директора, написанная, как правило, с блеском и знанием предмета. Собрание пополнили работы Утрилло, Руо, Сутина... И еще. Эрмитаж, как известно, находится на одной из красивейших площадей мира, замкнутой кольцом зданий Генерального штаба. Поистине наполеоновские планы Пиотровского включают «захват» Генштаба уже в самом ближайшем будущем. Здесь будет театрализованная экспозиция декоративно-прикладного искусства, кафе, рестораны, магазины, центр музейных развлечений. Дети будут тащить сюда за руку родителей, люди будут собираться здесь по вечерам. Тогда на площади, имперски величественной, чуть пустынной, выплеснувшись из Эрмитажа, закипит жизнь.

...Одну деталь в своей биографии сын повторил вслед за отцом буквально. Михаил Пиотровский тоже женился в 36 лет. Со своей женой Ириной, умницей и красавицей, он познакомился в Багдаде. Они прилетели на стажировку — она из московского Института востоковедения, он — из ленинградского. Это была судьба, предопределение — как специалист по исламу, Пиотровский понял это мгновенно. Он увел Ирину от мужа, увез в Ленинград. Сказка «Тысячи и одной ночи», похоже, продолжается до сих пор.

А в Петербурге по-прежнему живет Борис Пиотровский. Скоро он заканчивает школу. Его главная страсть — компьютер. По мнению специалистов, он чувствует его изнутри. Говорят, для Бори не проблема выйти в любую директорию — вплоть до канцелярии Белого дома, решить любую задачу («Папа, что здесь непонятного: шестнадцать операций — и ты получаешь результат?!»)... Каждый день после уроков он приходит в музей и помогает делать эрмитажную страничку для Интернета.

...Вся большая семья Пиотровских собирается два раза в году. В день рождения Бориса Борисовича и в день его смерти. Вспоминают его шутки, забавные истории, знаменитые mot — и всегда много смеются. Часть его солнечной энергии по-прежнему с ними.

...Мир меняется, и вместе с ним меняется «химический состав» общества. Некоторые элементы исчезают из него безвозвратно. Культуре в наши дни мощно противостоят суета и пошлость, а нищета духа торжествует над аристократией... Но так ли уж это безнадежно в сравнении с тем, что были и есть Пиотровские? Недаром кто-то в роду управлял соляными копями — солью земли такие люди останутся всегда.

Борис Пиотровский. Ереван. 1939 г.